

На правах рукописи

Егоров Дмитрий Сергеевич

**ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ТРАНСПОЗИЦИИ
ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2012

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики преподавания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Балалыкина Эмилия Агафоновна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Бочина Татьяна Геннадьевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет

кандидат филологических наук, доцент
Муллагалиева Алсу Гайсовна
Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева

Ведущая организация – Вятский государственный гуманитарный университет

Защита состоится 21 ноября 2012 г. в 9:00 на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Автореферат разослан «21» октября 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено проблеме транспозиции временных форм глагола в современном русском языке, представляющей собой интересное и относительно малоизученное лингвистическое явление. Будучи употребительным большей частью в разговорной речи и произведениях художественной литературы, перенос временных форм глагола является одним из многочисленных средств выразительности в русском языке.

Характеризуя состояние разработанности указанной проблемы в современном языкознании, можно отметить, что в этом направлении исследователи ограничиваются, как правило, констатацией фактов так называемого «аномального» употребления временных форм. Данные контексты наполнены экспрессивностью и выразительностью и потому в лингвистической литературе именуются образными, или переносными. Такое свойство кажется вполне достаточным для объяснения рассматриваемого явления: говорящий использует контраст двух временных планов для придания своей речи большей экспрессивности и выразительности. Дополнительным доказательством этого служит тот факт, что подобная транспозиция представлена главным образом в разговорной речи и в языке художественной литературы, особенно там, где авторы воспроизводят разговорный стиль. Согласно формулировке П.А. Леканта, «в разговорной речи, а также в художественной литературе и публицистике формы времени могут употребляться одна вместо другой, т. е. выступать в переносных, метафорических значениях».

В современном русском языке выделяются следующие типы переносного употребления видовременных форм глагола: а) перенос формы настоящего времени несовершенного вида в контекст прошедшего (*praesens historicum*); б) перенос формы настоящего времени несовершенного вида в контекст будущего; в) перенос форм

будущего времени совершенного и несовершенного вида в контекст прошедшего; г) перенос форм прошедшего времени совершенного вида в контекст абстрактного настоящего и будущего. Что касается формы прошедшего времени несовершенного вида, то возможности ее переноса в другие временные планы крайне ограничены, подобные употребления встречаются довольно редко и, по всей видимости, не имеют системного характера.

Все переносы, которые связаны с взаимозаменой глагольных форм времени, считаются временной метафорой (при этом, как правило, игнорируются другие семантические составляющие подобной формы), однако некоторые ученые достаточно убедительно доказывают, что не во всех случаях подобная интерпретация является верной.

Наиболее активной формой в плане возможности переносного употребления в том или ином контексте является глагольная форма настоящего времени несовершенного вида. Именно она участвует в наиболее известном типе переноса, существующем во многих европейских языках, – *praesens historicum* (перенос настоящего времени в контекст прошедшего). Принято считать, что в этом случае настоящее время используется для образной актуализации, оживления событий прошлого. Именно эта позиция является своеобразной отправной точкой во многих исследованиях (например, в трудах А.В. Бондарко) и отмечается в пособиях по русскому языку, где рассмотрение транспозиции глагольных форм имеет, как правило, обзорный характер.

Перенос формы настоящего несовершенного в контекст будущего также представляет собой реализацию указанного явления, распространенного прежде всего в европейских языках (ср. *Завтра я еду в Москву, I am going to Moscow tomorrow*). Применительно к русскому языку данный тип переноса достаточно детально описан в монографии А.В. Бондарко «Вид и время русского глагола».

Нельзя не согласиться с автором указанной работы в том, что все остальные случаи переноса глагольных форм, возможно, за исключением формы будущего времени совершенного вида, пока еще не рассматривались в русском языкознании достаточно глубоко. В некоторой степени данный пробел восполняется исследованиями того же А.В. Бондарко, однако, к сожалению, за пределами внимания автора остались многие аспекты переносного употребления интересующих нас глагольных форм.

В последнее время специалисты в области языкознания все чаще настаивают на разграничении функционирования языковых единиц в речи и литературном языке. О необходимости подобного разграничения (план речи – *plan de discours* и план повествования – *plan de récit*) писал еще Э. Бенвенист в классическом труде «Общая лингвистика». А.В. Бондарко в работе «Теория морфологических категорий и аспектологические исследования», ссылаясь на приведенный тезис Э.А. Бенвениста, упомянул о различии форм *praesens historicum* в «непосредственном, живом рассказе говорящего и в авторском повествовании». Идея Э. Бенвениста о разграничении плана речи и плана повествования была далее развита Е.В. Падучевой, в результате чего применительно к современному русскому языку ею был введен термин «режим интерпретации» и доказано, что значение и особенности функционирования одних и тех же слов или грамматических категорий могут меняться в зависимости от режима интерпретации.

В современной лингвистической литературе транспозиция временных форм глагола неоднократно рассматривалась такими известными исследователями русского языка, как А.А. Потебня, В.В. Виноградов, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов и др. Особое внимание данной проблеме уделено в работах того же А.В. Бондарко, где переносное употребление времен включено в широкий контекст созданной им функциональной грамматики. Многие

учебные пособия по русскому языку также отмечают возможность переносного употребления форм глагола и дают краткую характеристику основным типам переноса. В работах Е.В. Падучевой, Е.В. Петрухиной и др. делается попытка по-новому рассмотреть некоторые утвердившиеся в языкознании точки зрения и теоретические положения относительно транспозиции временных форм в современном русском языке.

Однако, несмотря на определенную степень разработанности рассматриваемой проблемы, остается ряд нерешенных вопросов, касающихся различных видов переносного употребления глагольных форм. Кроме того, все существующие в данной области лингвистические исследования характеризуются определенной односторонностью в трактовке интересующих нас фактов языка. С одной стороны, практически все типы переноса глагольных форм традиционно считаются образными, метафорическими, и при этом вне поля зрения исследователей остается возможность характеристики каких-либо иных типов переноса, относящихся, например, к разряду омонимичных. С другой стороны, к сожалению, в настоящее время не выяснен до конца вопрос, все ли типы переносного употребления времен являются именно временной метафорой. Не определено наличие общих признаков у разных типов переноса, что позволило бы распределить их по группам. В существующих исследованиях недостаточно внимания уделено и динамике развития переносного употребления глагольных форм времени.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что оно посвящено одному из наиболее важных и интересных аспектов функционирования глагольных форм. В настоящем исследовании анализируется яркое выразительное средство, связанное с переносом форм глагола, которое часто находит применение в языке художественной литературы и живой разговорной речи. Рассмотрение транспозиции форм глагола затрагивает теорию метафоры, которую в

современных исследованиях по когнитивной лингвистике считают одним из ключевых механизмов развития языка. Актуальным представляется и уточнение специфики метафорического переноса при транспозиции временных форм глагола по сравнению с другими типами языковой метафоры.

Актуальность настоящей диссертационной работы также связана с тем, что в исследованиях разного типа по морфологии и аспектологии, к сожалению, нет детального и всестороннего рассмотрения особенностей транспозиции временных форм глагола, отсутствуют и специальные работы, посвященные подобной транспозиции в современном русском языке.

Объектом исследования являются различные типы транспозиции временных форм глагола и особенности их функционирования в современном русском языке на разных уровнях языковой системы, исследованные на материале, извлеченном из самых разнообразных источников.

Предметом исследования являются переносные формы глагольного времени, представленные в разных типах транспозиции в контекстах разной стилистической характеристики.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертационном исследовании впервые осуществляется распределение основных типов транспозиции временных глагольных форм по группам в зависимости от особенностей семантических преобразований, возникающих при соответствующем переносе формы, и выполняемых ею в том или ином контексте функций. При этом установлены критерии такого распределения, учтены и описаны некоторые особенности разных типов переносного употребления форм, которые, к сожалению, не были детально изучены ранее в имеющихся исследованиях, посвященных данной проблеме, или были рассмотрены недостаточно глубоко. В работе впервые уделено внимание наиболее интересным случаям переносного употребления форм глагола (*praesens historicum*)

в диахронии, при этом представлена динамика изменений подобных форм на протяжении нескольких столетий (XVIII – XX вв.). В настоящем исследовании впервые рассматривается связь транспозиции временных форм глагола и грамматической омонимии, что представляет собой определенный вклад в пока еще малоизученную область науки о языке.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении языкового статуса транспозиции временных форм глагола в современном русском языке. Одновременно уточняется содержание таких базовых для современного языкознания терминов, как метафора и омонимия, применительно к транспозиции глагольных временных форм. Вместе с тем осуществляется систематизация существующего лингвистического материала, связанного с изучением различных типов переноса временных форм глагола, в свете концепций современного языкознания.

Материалом для исследования послужили контексты, извлеченные из многочисленных художественных, публицистических, научных произведений, из частной переписки, интернет-форумов, различных документов, содержащихся в Национальном корпусе русского языка 2012. В результате рассмотрено около 5000 контекстов.

В диссертации использовался и материал различных лингвистических исследований, посвященных описанию грамматической омонимии, с целью сравнения полученных в диссертации результатов с выводами и теоретическими положениями, имеющимися в подобных работах. В качестве дополнительных источников в ходе исследования были использованы материалы различных специальных словарей.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в учебных курсах по морфологии, лексикологии, в спецкурсах по глагольному словоупотреблению, а также при создании новых

учебных курсов по стилистике, семантике и лингвокультурологии.

Цель исследования – рассмотрение особенностей транспозиции временных форм глагола в современном русском языке на базе сплошной выборки разнотилевых текстов, а также определение тенденций в развитии и употреблении некоторых типов переносного употребления временных форм глагола.

Цель исследования обусловила постановку следующих **задач**:

1) рассмотреть основные типы переносного употребления форм времени при реализации собственно метафорического переноса по признаку времени и распределить все привлекаемые к исследованию типы переносного употребления временных форм глагола по группам в зависимости от выполняемых функций;

2) выявить и описать функции тех типов переносного употребления глагольных форм времени, которые не реализуют метафорического переноса по признаку времени;

3) изучить транспозицию форм будущего времени совершенного вида в плане лексической составляющей, определить семантические классы глаголов, наиболее часто участвующих в транспозиции глагольных форм времени;

4) сопоставить особенности переносного употребления форм будущего времени совершенного вида и настоящего времени несовершенного вида в контексте прошедшего времени с употреблением синонимичных им форм прошедшего времени несовершенного вида;

5) определить соотношение транспозиции форм будущего времени совершенного вида в контексте прошедшего и синонимичных им форм прошедшего времени несовершенного вида в диахронии и выяснить связь этого соотношения с режимами интерпретации текста;

б) изучить и проверить на релевантность трактовку переносного употребления форм как омонимичных или метафорических.

Методологическая база исследования. Поставленные в работе цели и задачи определили требование использовать комплексную методику исследования. В работе применен описательный метод, сравнительный метод, метод прямого подсчета грамматических форм, метод анализа данных с целью установления статистической значимости выявленных соотношений (метод Хи-квадрата и V Крамера), метод анкетирования (опрос респондентов) и др.

Теоретико-методологическая база исследования. Теоретическую базу исследования составляют направления языкознания, в которых реализуются принципы верховенства функции и содержания над формой и взаимосвязи различных уровней языка: теория функциональной грамматики А.В. Бондарко, коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой и др. В данном исследовании определенную значимость имеют теоретические положения, представленные в работах некоторых лингвистов, например Е.В. Падучевой, согласно утверждению которой, в современной семасиологии необходимо переходить «от описания отдельных значений языковых единиц к описанию семантических переходов и контекстов, обуславливающих сдвиг значения». В диссертации учитываются различия в функционировании языковых единиц в нарративе и разговорной речи (повествовательный и речевой режимы интерпретации). Исследование осуществлялось также с учетом тезиса о необходимости разграничения единиц языка и знаков языка.

Важной составляющей теоретико-методологической базы диссертации явились некоторые работы по изучению грамматических особенностей русского глагола и реализуемый в них тезис о неразрывной связи грамматических категорий глагола с его лексическим значением.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Языковой статус переноса глагольных форм времени следует определить как транспозицию формы глагола.

2) Не все типы транспозиции временных форм глагола реализуют метафору по признаку времени. Однако сохранение связи с собственными признаками глагольной формы, а также явно выраженная зависимость от контекста не позволяют отнести исследуемые типы преобразований, не реализующие временной метафоры, к области омонимии.

3) Основным фактором, влияющим на актуализацию признака времени при переносе глагольной формы, является конкретность или обобщенность временного плана, в контекст которого осуществляется перенос формы.

4) В некоторых типах транспозиции собственный признак времени формы может актуализироваться в той или иной степени различными факторами: семантикой глаголов, участвующих в переносе, особенностями контекста (наличие различных распространителей, связи с предшествующим контекстом), типом коммуникативной ситуации (непосредственное живое общение, текст художественного произведения, где говорящего заменяет рассказчик, или повествование от 3-го лица).

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались:

1) на итоговых научных конференциях Казанского федерального университета (2008–2009 гг.);

2) на Международной конференции «Языковая семантика и образ мира» (Казань, 2008 г.);

3) на X Международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике» (Бечичи, 2008 г.);

4) на III Конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов «Глагольный вид: грамматическое значение и контекст» (Падуя, 2011 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность выбранной темы и ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи исследования, методы исследования, отмечается теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе **«Явления омонимии и метафоры применительно к транспозиции временных форм глагола в современном русском языке»** выясняется языковой статус транспозиции временных форм в современном русском языке относительно таких понятий, как метафора и омонимия.

В большинстве существующих лингвистических исследований считается, что переносное употребление временных форм глагола – это грамматическая метафора. Однако отсутствие специальных работ, посвященных данному вопросу, а также семантическая и функциональная неоднородность разных типов транспозиции глагольных форм времени обусловили необходимость сопоставления терминов «грамматическая метафора» и «грамматическая омонимия» применительно к явлению транспозиции глагольных форм времени.

В современном русском языкознании, к сожалению, пока ещё недостаточно работ и исследований по грамматической омонимии. Вопрос об омонимии на уровне частей речи в той или иной степени рассмотрен лингвистами, но омонимия грамматических форм чаще всего остается вне поля зрения исследователей. В связи с этим появляется необходимость проверить, можно ли отнести к случаям формирования омонимии переносное употребление глагольных форм, поскольку в результате такого переноса образуются две идентичные грамматические формы, наполненные разным содержанием.

Существует две теоретические возможности признать переносное употребление глагольных форм времени

омонимичным. Для принятия первой из них необходимо привлечение тезиса о разграничении знаков языка и единиц языка, представленного в работах таких лингвистов, как И.А. Стернин, Л.М. Салмина и др. Данный тезис подразумевает разделение знаков языка, функционирующих в речемыслительной деятельности, и единиц языка, элементов метаязыка, представляющих собой систематизацию фактов речи в науке о языке.

Единицы языка – это искусственные конструкты, сформированные в результате лингвистического анализа на основе выраженности формантов, регулярности выражаемых абстрактных значений (то есть это морфологические средства). Функция единиц – служить элементами метаязыка описанию фактов речи и языковой компетенции, а также структурирование наиболее регулярных значений, репрезентируемых носителем языка в обязательном порядке. Единицы языка следует отграничивать от языковых знаков. Последние функционируют в речемыслительной деятельности на основе той системы знаний, которую принято называть языковой или наивной картиной мира, и в зависимости от актуальных коммуникативных задач, которые ставит перед собой говорящий. Знаки языка, таким образом, обусловлены правилами синтактики, прагматики и семантики.

Некоторые лингвисты (например, Л.В. Сахарный) выдвигают достаточно убедительные психолингвистические гипотезы, основанные на результатах экспериментов, для подтверждения мысли о том, что собственно единицы языка (как правило, основные составляющие уровневых моделей языка) не играют особой роли в формировании высказывания. При постулировании знакового характера коммуникации средствами естественного языка исследователями (например, Э.П. Шубиным) давно было высказано мнение, что морфема (словообразовательный или словоизменятельный формант) не является знаком, но лишь его элементом, который может быть выделен *post factum* в результате лингвистического анализа. В

связи с этим объектом поиска и выбора говорящего являются не единицы и формы языка как таковые, а способы обозначения, то есть знаки языка. Это означает, что метафорический перенос осуществляется носителем языка с учетом того значения, которое несут в себе знаки в коммуникации, в результате определенного опыта их использования в речи.

Всё вышесказанное ставит под сомнение возможность объяснять особенности речевого поведения личности только на основе использования грамматических парадигм и их значений.

Естественно, можно предположить, что грамматическая форма не может быть носителем двух взаимоисключающих семантических признаков. При транспозиции глагольной формы значение времени именно то, которое выражается с помощью этой формы в данном контексте, хотя для его выражения и привлекается форма, совпадающая с иным, закрепленным в парадигме, а потому противоречащим преобразованному значению времени. В связи с этим, и на основе традиционной дефиниции омонимии знака предлагается определять явления типа транспозиции временных форм глагола как грамматическую омонимию, а формы глагола, в которых значения времени не совпадают со значением аффикса (как формообразующего средства) в парадигме, – как временные омонимы.

Можно отметить, что данная концепция близка к известным взглядам А.А. Потебни, который считал, что каждое новое словоупотребление в речи рождает омоним.

С другой стороны, есть возможность применить к исследуемым грамматическим категориям иной подход, разделяемый учеными Казанской лингвистической школы и в какой-то степени зарекомендовавший себя при анализе разнообразного лексического материала. Речь идет о концепции, обоснованной в трудах В.М. Маркова, связанной с определением сути семантического словообразования.

Согласно данному подходу, наряду с морфемным способом словообразования, когда новая лексическая единица образуется путем присоединения словообразовательного форманта, существует также и безморфемный способ, предполагающий образование нового слова на базе старого путем изменения его семантики, в результате чего формируется несколько омонимичных лексем. Данную концепцию можно применить и к грамматическому материалу. Тогда форма *заканчивает* в контексте: *В 1812 году он заканчивает университет* – может считаться новой формой прошедшего времени, образованной семантическим способом от формы глагола настоящего времени несовершенного вида *заканчивает*.

Данную концепцию омонимии временных форм глагола, вероятно, можно считать в какой-то степени условной, поскольку практически во всех случаях переносного употребления глагольной формы времени сохраняется семантическая связь с исконным значением той же формы.

Если не опровергать тезис о различии знаков языка и единиц языка, то следует признать, что так называемые единицы языка выражают наиболее частотный и наиболее вероятный с точки зрения обычного носителя языка смысл, который может осознаваться носителем как базовый. Следовательно, появление формы с неким базовым смыслом, не соответствующим общему содержанию контекста, воспринимается как своеобразное отклонение от нормы. Кроме того, появление какой-то иной глагольной формы вместо наиболее часто используемой в определенном контексте должно быть чем-то мотивировано. И самый вероятный мотив – в целях наиболее точного выражения мысли и чувства представить процесс или событие как бы совершающимся в другом времени: *Вчера захожу в кабинет, а там полнейший бардак. Я говорю уборщице: как такое возможно?! А она, представьте себе, только разводит руками!* (я осознаю, что событие произошло вчера, но для

меня оно очень актуально и значимо, и чтобы подчеркнуть это, я представляю его так, словно оно происходит сейчас, и для этого я использую форму с базовым смыслом «настоящее» в значении прошедшего). Если глагольная форма, при сохранении своего облика и формальном выражении своего наиболее частотного, базового (первичного в традиционном понимании) значения, выступает в контекстах подобного типа, то её употребление можно признать образным, метафорическим.

Наиболее доступный из методов исследования лингвистического материала – метод интроспекции – убеждает в необходимости использования глагольных форм со значением настоящего времени в контекстах, подобных вышеприведенным. Следовательно, перенос формы в данном случае является именно метафорическим, поскольку способствует наиболее точному выражению мысли говорящего, накладывая признаки семантически преобразованной формы настоящего времени на представляемую в высказывании ситуацию. При этом основная цель метафорического преобразования глагольной формы – представить актуальное событие прошлого, в которое мысленно «погружается» говорящий.

Как известно, омонимы – это слова, одинаковые по форме и различные по содержанию. Причем, согласно традиционному и наиболее распространенному пониманию термина, значения двух омонимов не связаны друг с другом и далеки друг от друга настолько, что употребление одного из них в определенном значении никак не связано со значением другого члена омонимичной пары. Иначе дело обстоит с функционированием слов, подвергшихся метафорическим преобразованиям, поскольку само существование метафоры и ее эффективность зависят от того, насколько осознается связь прямого, базового значения слова с тем значением, в котором говорящий его употребляет. Другими словами, при метафорическом употреблении говорящему крайне важно

первичное, прямое значение слов, при омонимичном же употреблении важно лишь то значение, в котором слово употреблено в данном высказывании.

Несмотря на справедливость тезиса о разграничении знаков языка и единиц языка, в случае признания каждого отдельного словоупотребления интересующей нас глагольной формы омонимичным будет проигнорирована значимость для говорящего первичного, базового значения этой формы.

Таким же образом сомнения возникают в справедливости точки зрения, согласно которой случаи транспозиции представляют собой грамматические омонимы. Следует признать, что при наличии переноса глагольной формы времени сохраняется впечатление об «инородности» формы в новом, подчас противоречащем её основному содержанию контексте. При этом важно, что контекстуальное значение переносной формы несамостоятельно, целиком и полностью зависит от контекста и вне взаимодействия с контекстом не осознается. Именно поэтому собственное значение формы и значение, образуемое при транспозиции этой формы в инородный временной контекст, нельзя считать равноправными для формирования грамматической парадигмы времени.

Интересным представляется вопрос о специфике метафоры при транспозиции глагольных форм. Имеет ли смысл разграничивать грамматическую метафору и лексическую? Если последовательно придерживаться тезиса о разграничении знаков языка и единиц языка, то становится понятным, что в сознании говорящего вряд ли выделяется значение времени глагольной формы как грамматическое. Признак времени важен для говорящего наряду с другими семантическими признаками формы, актуальными для данной коммуникативной ситуации и контекста. Иными словами, интерпретация переноса временных форм именно как грамматической метафоры является достаточно условной, относящейся к языку метаописания и не отражающей

понимания говорящим знаков в коммуникативной деятельности.

Не менее важным при выяснении особенностей транспозиции глагольных форм является специфика реализуемых при данном типе метафорического переноса семантических преобразований. В современных исследованиях выделяется несколько общих направлений семантических преобразований, характеризующих метафору. Метафора – явление, при котором чаще всего феномены одного порядка – область цели – объясняются, описываются или структурируются с помощью явлений или феноменов другого порядка – источник – путем переноса наименований. Наиболее распространенным типом метафоры является представление абстрактных, невидимых сущностей и процессов в виде конкретных и чувственно постигаемых (например, *передать мысль, волна нежности*). Данный тип имеет когнитивное, познавательное значение и описывается в исследованиях по когнитивной лингвистике (Дж. Лакофф). В общем смысле к данному типу метафор относятся и пространственно-временные метафоры, поскольку время, недоступное непосредственному восприятию, представляется в терминах пространства, которое мы можем наблюдать непосредственно. Например, по мнению известного лингвиста Лауры Янды (Laura Janda), одной из реализаций общей метафоры *время – это пространство* является конструкция *в + N вин* в значении времени. Исследователь утверждает, что данная конструкция позволяет соотносить локализацию события на временной оси (значение конструкции *в + N вин*: *Я приду в пять часов*) с помещением физического объекта в некую емкость (*Положи печенье в коробку*). В этом плане нетрудно заметить, что метафора времени при транспозиции временных форм сопоставляет не сущности разного порядка (абстрактное представляется как конкретное, время представляется как пространство), а временные планы и их субъективное восприятие (я воспринимаю событие, которое

произошло вчера так, как будто оно происходит у меня перед глазами). В этом, по нашему мнению, и состоит отличие временной метафоры при транспозиции глагольных форм времени от остальных типов метафоры.

Во второй главе **«Основные типы транспозиции временных форм глагола в современном русском языке»** рассмотрены основные типы транспозиции глагольных форм времени с точки зрения их семантических и функциональных особенностей. Устанавливаются интегральные признаки типов транспозиции, которые позволяют объединить некоторые из них в определенные группы.

В русском языке, как уже было показано выше, выделяются следующие типы переносного употребления видовременных форм глагола: а) формы настоящего времени > в контекст прошедшего (*praesens historicum*); б) формы настоящего времени > в контекст будущего; в) форм будущего времени > в контекст прошедшего; г) форм прошедшего времени > в контекст абстрактного настоящего и будущего.

Особое внимание в диссертационном исследовании уделяется транспозиции форм настоящего времени глаголов несовершенного вида и будущего времени совершенного вида в контекст прошедшего, поскольку именно эти формы участвуют в самом известном типе переноса – *praesens historicum*. Именно рассмотрение *praesens historicum* дает возможность выявить некоторые общие признаки и особенности, имеющие особое значение и для остальных типов транспозиции глагольных форм времени. Однако акцент делается на описании транспозиции, где формы «непрошедшего» (настоящего и будущего) времени представляют события, регулярно повторяющиеся в прошлом.

Согласно мнению большинства лингвистов, настоящее историческое (*praesens historicum*) имеет своей целью «оживить», актуализировать события прошлого, представить их так, словно они происходят перед глазами говорящего. Иными словами, при переносе глагольной формы

осуществляется метафорический перенос признака настоящего времени в контекст прошедшего, благодаря чему события прошлого представляются настоящими. Однако в значительной части примеров, где формы не прошедшего времени указывают на повторяющиеся события прошлого, актуализация последних осуществляется не столько за счет форм времени, сколько благодаря лексическому наполнению контекстов, их общей образности, распространенности. Контексты с переносными формами глагола, лишенные таких распространителей, призваны служить комментарием, примером для представленного в предшествующем контексте свойства или положения дел.

При этом формы настоящего времени несовершенного вида в контексте прошедшего, указывающие на конкретный процесс в прошлом (*praesens historicum*), реализуют метафорический перенос по признаку времени, то есть актуализируют значение настоящего времени в контексте прошедшего. Исследователями также отмечалось, что метафоричность свойственна контекстам, извлеченным из живой разговорной речи, в то время как в повествовательных (художественных) текстах настоящее историческое используется, по мнению А.В. Бондарко, лишь как техническое средство выражения действий или интерпретируется как относительное употребление формы настоящего времени: события, представленные формой настоящего времени, указывают не на образную актуализацию, а на одновременность событиям прошлого, выраженным формами прошедшего времени.

Конкретность или обобщенность временного плана в том или ином контексте является важным фактором, актуализирующим собственное временное значение глагольной формы. Перенос любой глагольной формы в противоречащий временной контекст со значением конкретного события делает противопоставление двух временных планов особенно выразительным. Реальный

временной план события определяется контекстом, при этом событие «как бы» совершается, согласно временному признаку формы (например, в предложении *Завтра я еду в Париж* говорящий осознает, что событие произойдет завтра, но он настолько уверен в его наступлении, что представляет это событие так, словно оно уже происходит, используя временное значение формы глагола настоящего времени). Помимо настоящего исторического с общим процессуальным значением, метафорический тип переноса глагольной формы в русском языке представлен следующими типами транспозиции: 1) перенос формы настоящего времени несовершенного вида в контекст будущего; 2) перенос формы прошедшего времени совершенного вида в контекст будущего.

Общий контекст, связанный с описанием событий общего плана в настоящем или прошедшем времени, часто допускает использование форм с разными временными значениями, поскольку отсутствие соотношения с определенной точкой на временной оси (конкретным событием) нивелирует временной признак формы. Употребление разных временных глагольных форм в контексте обобщенного временного плана характеризуется наличием различных семантических оттенков, привносимых формой. Так, если контекстуальное употребление формы связано с представлением о каком-то качестве, на первый план выдвигается видовое значение глагольной формы, с помощью которой передается характер отношений нескольких событий внутри ситуации (отношения одновременности, предшествования и т. д.).

Интересным представляется ряд семантических преобразований, возникающих при переносе глагольной формы будущего времени несовершенного вида. При переносе указанной формы в первую очередь выражаются модальные оттенки готовности, уверенности в том, что обычное, типичное действие обязательно должно (или не должно)

осуществиться. Однако собственный признак времени теряет свою актуальность, уступая место выражению действия «в чистом виде», которое часто служит пояснением, примером, дополняющим какие-то признаки или характеристики лица, представленные в предшествующем контексте. Например:

*Об арифметике и помину не было: вряд ли и считать-то умел, но зато лакомиться, **франтить** – мастер! Целое утро **будет сидеть** и не пошевелится, только завей ему волосы (Писем.).*

Помимо переносного использования формы глагола будущего времени несовершенного вида в контексте абстрактного настоящего или прошлого, следующие типы транспозиции глагольных форм не актуализируют собственный признак времени: перенос форм будущего времени совершенного вида и форм настоящего времени несовершенного вида в контекст прошедшего, перенос форм прошедшего времени совершенного вида в контекст абстрактного настоящего.

Одним из самых употребительных типов семантического переноса глагольной формы в контекст обобщенного временного плана является транспозиция форм будущего времени глаголов совершенного вида в контекст прошедшего. Данный тип транспозиции убедительно демонстрирует наличие определенного ряда тенденций при сопоставлении с употреблением формы прошедшего времени несовершенного вида в прямом значении. Формы глагола будущего времени представляют, как правило, конкретную, чаще всего доступную наблюдению ситуацию, в которой разные действия связаны между собой хронологически. В это же время при прямом употреблении цепочка глаголов часто указывает на перечисление действий, не представляющих единую ситуацию. Использование формы будущего времени нередко сопровождается меной текстового регистра (более обобщенный информативный регистр сменяется

репродуктивным) по отношению к предшествующему контексту, в то время как форма прошедшего времени представляет действие на том же уровне обобщенности, что и действие предшествующего контекста. Данные особенности подтверждаются и результатами рассмотрения семантических классов глаголов, наиболее употребительных при переносе форм будущего времени совершенного вида. Основным признак, объединяющий такие глаголы – доступность для наблюдения и регистрации. Поэтому наиболее часто в данном типе транспозиции принимают участие глаголы физических действий, речепроизводства (*сказать, крикнуть, говорить* и др.), глаголы движения (*прийти, выйти, зайти, встать* и др.) и перцепции (*смотреть, слушать, слышать* и др.).

Исследование частотных характеристик сочетаемости слова *бывало* с формами глаголов будущего времени совершенного вида, настоящего времени несовершенного вида и форм прошедшего времени обоих видов продемонстрировало на материале контекстов из Национального корпуса русского языка, что ко второй половине XX века уменьшилось количество глагольных форм неперошедшего времени, выступающих в переносном значении прошедшего времени. Кроме того, во второй половине XX в. изменилось соотношение переносного и прямого употребления глагольных форм применительно к разным типам текста. Если в первой половине XX в. в текстах повествовательного режима интерпретации (тексты, где говорящий заменен рассказчиком, то есть повествование ведется от 3-го лица) превалирует переносное употребление формы будущего времени совершенного вида, то во второй половине XX в. ее место занимает прямое употребление формы прошедшего времени несовершенного вида. Контексты с использованием глаголов в переносном значении перемещаются в область речевого режима интерпретации (как правило, в живой разговорной речи и ее воспроизведении).

В рамках настоящего исследования используется такой метод получения информации, как опрос респондентов. Мотивы, побудившие применить статистический метод, были продиктованы спецификой рассматриваемой проблемы. Камнем преткновения при трактовке случаев переносного употребления форм глагола (или случаев транспозиции) является степень ассимиляции временного признака, привносимого формой, с семантикой глагольного времени, представленного в контексте. Единственным средством извлечения данных здесь является интроспекция исследователя – носителя языка. Но если утверждения относительно взаимодействия формы глагола и контекста определяются во многом с опорой на интуицию носителя языка, то существует возможность верифицировать эти утверждения, привлекая интуицию бóльшего количества носителей языка. Особое значение имеет также установка исследовать явление транспозиции временных форм в аспекте коммуникации. В этом смысле результаты опроса респондентов могут послужить существенным дополнением к характеристике переносного употребления временных форм в коммуникативном аспекте.

Анкетирование, в котором приняло участие 34 человека, проводилось среди учащихся одиннадцатых классов средней школы. Информантам были предъявлены одиннадцать контекстов, содержащих омонимичные временные формы. В контекстах были соответствующие предложения с разными типами переносного употребления форм: переносное употребление имперфективов (контексты с 1 по 4); переносное употребление перфективов в контексте абстрактного настоящего (контексты 5–7), в контексте прошедшего (контексты с 8 по 11). Примеры контекстов:

Весной 1812 г. Евгения отправляют в Петербург;

Талант и бездарность не уживаются. Там, где восторжествовал талант, бездарности делать нечего;

Кругом не слышалось почти никакого шума. Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснет рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Рядом с предложениями в скобках указывалось два времени, одно из которых соответствовало парадигматическому значению формы, другое – контексту или временному омониму в нашем понимании. Требовалось выделить тот вариант, который, по мнению информанта, характеризовал выделенные в тексте формы. Задание было сформулировано следующим образом: *определите время, к которому относятся выделенные глаголы в предложении.* При этом в задании намеренно была допущена двусмысленность: не разъяснялось, ориентируясь на что именно, требуется определить время в контекстах. Очевидно, что суждение должно было выноситься либо относительно формы, либо относительно контекста с опорой на интуицию носителя языка. По количеству ответов, выделяющих либо контекст, либо форму, можно сделать вывод о доминирующем факторе и о том, что в наибольшей степени подвержено влиянию (форма или контекстные показатели). При этом результаты эксперимента ни в коей мере не могут служить доказательством или опровержением логического вывода о том, что форма в подобных контекстах содержит только одно временное значение, так как она просто не может содержать в себе два противоречащих друг другу значения в одном контексте. При ответе на вопрос, какое время выражается глаголом, большинство опрошенных вынесли разные суждения, опираясь на значение контекста. Результаты опроса показали, что в качестве факторов, влияющих на принятие решения, можно назвать четкость в выражении показателей времени в контексте (суждение выносится в пользу контекста), с одной стороны, и четкость и недвусмысленность

(в том числе проявляемая и на уровне пунктуации) в выражении включенности процессов и действий, передаваемых различными способами, – с другой (процесс или действие, представленные переносной формой, включены как часть в действие, процесс или состояние, выраженные формой в прямом значении). Последний фактор предполагает, что ситуация во всех своих действиях и процессуальных проявлениях воспринимается как целостная, что неизменно способствует «выравниванию» (или унификации) форм по одному значению, даже форм, которые в парадигмах являются носителями противоречивых временных признаков.

Можно констатировать, что при интерпретации результатов анкетирования удалось выявить ряд зависимостей и соответствий между свойствами контекста и степенью проявленности временных коннотаций форм, употребляемых в противоречащих их парадигматическому временному значению условиях (то есть в контекстах, в которых создается ситуация омонимии временных форм глагола).

Есть основание считать, что степень проявления и «яркости» «собственного значения формы» зависит не от типа переносного употребления (*praesens historicum*, настоящее в будущем, прошедшее совершенное в настоящем и т. д.), а от свойств контекста (показатели времени и выражение отношений между пропозициями).

Можно также полагать, что если удалось выявить условия, в которых парадигматическое значение формы выделяется особенно ярко и устранение которых, в свою очередь, ведет к большему влиянию контекстуальных показателей времени, то существует вероятность того, что значение контекста является доминирующим и форма проявляет одностороннее стремление к тому, чтобы выразить временное значение контекста.

В **Заключении** приводятся основные результаты исследования.

1. В современном русском языке трактовка переносного употребления времен как чистой «омонимии» грамматических форм является несостоятельной, не соответствующей реальным фактам языка. Существующие трактовки, которые интерпретируют данное явление как перенос форм, транспозицию форм, в гораздо большей степени отражают сущность данного лингвистического явления.

По результатам проведенного исследования было установлено, что существует две теоретические возможности признать употребление временной формы глагола омонимичным.

1.1. Признать, что любое употребление формы является омонимичным, поскольку каждое новое значение в контексте рождает омоним. Данная позиция может явиться источником противоречий и проблем, оказывается немотивированной с точки зрения систематизации фактов речи. Если каждое употребление слова в речи – это новое слово, омоним к однозвучным словам, то как можно описать лексический материал языка? А если принять во внимание парадигматические связи слов, отношения мотивированности и производности, которые часто осознаются не только исследователями, но и рядовыми носителями языка и используются для выражения мысли (метафоры, стилистические фигуры и т. д.), то тогда содержание самого термина «омоним» как бы опустошается. Отдавая должное справедливости и необходимости тезиса о разграничении знаков и единиц языка, все же считаем немотивированным привлечение его для обоснования омонимичности временных форм глагола в разных контекстах.

1.2. Признать, что, подобно семантическому словообразованию, существует семантическое формообразование. И тогда форма *заканчивает* в контексте *В 1812 году он заканчивает университет* может считаться новой формой прошедшего времени, образованной семантическим способом от формы настоящего времени

несовершенного вида *заканчивает*. Но в этом случае грамматические парадигмы будут состоять из довольно большого количества условно выделяемых форм, что может создать препятствия не только для изучающих русский язык, но и для самих исследователей.

Таким образом, наиболее подходящим определением к предмету нашего исследования может считаться термин «транспозиция», или «перенос форм глагола», в то время как термин «омонимия» имеет условное значение из-за расхождения с сущностью рассматриваемого явления.

Однако вопрос о том, являются ли все типы переноса форм метафорическими, не столь однозначен. Метафора предполагает актуальность какого-то признака, который помогает лучше понять реалию, с которой связывается путем переноса наименования. Трактовка переносного употребления глагольных форм времени как метафорического предполагает перенос признака времени. Исследование показало, что не все типы транспозиции глагольных форм актуализируют базовый, собственный признак времени формы.

2. Метафору по признаку времени реализуют следующие типы переносного употребления форм: 1) перенос формы настоящего времени несовершенного вида в контекст конкретных событий прошлого; 2) перенос формы настоящего времени несовершенного вида в контекст будущего; 3) перенос формы прошедшего времени совершенного вида в контекст будущего.

При следующих типах переносного употребления собственный признак времени той или иной глагольной формы нивелируется и они получают иную функциональную нагрузку: 1) перенос формы будущего времени совершенного вида и формы настоящего времени несовершенного вида в контекст прошедшего, где переносные формы обозначают повторяющиеся события прошлого; 2) перенос формы будущего времени несовершенного вида в контекст абстрактного настоящего или прошлого; 3) перенос формы

прошедшего времени совершенного вида в контекст абстрактного настоящего.

3. В тех типах переноса, где не имеет особого значения собственный временной признак формы, контексты с переносным употреблением выполняют функцию комментария, пояснения. События, реально повторяющиеся в прошлом, обозначены, как правило, формой прошедшего несовершенного, в то время как формы простого будущего являются комментарием к предыдущему контексту и высказанному в нем тезису. При этом формы простого будущего не указывают на события прошлого, они поясняют некую мысль автора, представляя собой выражение, не встроенное в событийную нить повествования. При этом можно констатировать в грамматической форме отсутствие значимости собственно признака времени. Однако несовпадение формы времени в комментарии с формами времени в предшествующем контексте имеет особое значение. Таким образом, маркируются разные функции контекстов (формы прошедшего времени используются для выстраивания линии повествования, комментария или пояснения к какому-либо признаку, встречающемуся в ходе этого повествования при его выражении формами простого будущего или настоящего несовершенного). Транспонированные формы утрачивают признак времени, приобретая качественный оттенок. Поскольку пояснение чаще всего является отражением какой-либо ситуации, то важным остается только признак вида, выражающий мгновенность или предшествование (совершенный вид) или, к примеру, фоновый характер какого-то процесса (несовершенный вид). Поясняемый элемент может представлять собой качество, характеристику персонажа или предмета, положение дел, выраженное абстрактным существительным или целым предложением. Таким образом, наиболее часто контекст с переносными формами представляет собой на текстовом

уровне более конкретный уровень обобщения, чем предшествующий контекст.

Такую же функцию имеют формы будущего времени несовершенного вида и прошедшего времени совершенного вида, будучи перенесенными в контекст абстрактного настоящего или прошлого.

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые предположения относительно причин приведенного распределения типов переносного употребления форм глагола. Большое значение при интерпретации того или иного типа переноса имеет конкретность или обобщенность определения процесса, события или действия, представленного переносной формой. В целом можно сказать, что временной признак формы сохраняется и противоречит временному признаку контекста, рождая метафорический перенос по признаку времени только в тех случаях, когда событие, представленное глагольной формой, локализовано на временной оси. В то же время обобщенные планы прошедшего или настоящего нивелируют, «стирают» признак времени, функционально сближая личные формы глагола с формой инфинитива, поскольку при переносе форм в контекст абстрактного времени действие представлено в чистом виде безотносительно ко времени.

4. В ходе исследования были получены доказательства того, что метафоричность, образность переносного употребления глагольной формы зависит не только от типа, но и от свойств самого контекста. Так, в результате проведенного анкетирования выяснилось, что степень проявления собственного временного признака формы отличается в пределах одного и того же типа транспозиции. Однако степень проявления этого временного признака зависит от некоторых характеристик контекстов. К таковым можно отнести контекстные показатели времени, семантические характеристики самих глаголов, характер связи между действиями или событиями, выраженными глаголами в

пределах контекста. Распространенность контекста в каких-то случаях способствует большей актуализации собственного временного признака.

5. Наиболее употребительными при переносе форм будущего времени совершенного вида являются глаголы, указывающие на действия, доступные для наблюдения и регистрации. Однако возможно употребление глаголов более абстрактной семантики: акциональных, донативных действий, глаголов поведения и деятельности, – но при этом должны выполняться некоторые условия. Чаще используется глагол с наиболее конкретным вариантом значения (*работать* – делать что-то в актуальный момент времени, а не *работать*, занимая определенную должность). С другой стороны, возможно использовать глагол и в абстрактном значении, но тогда он должен указывать на содержание более общей ситуации или давать ей характеристику.

6. Проведенное исследование позволило установить следующие отличия переносного употребления форм будущего времени совершенного вида и настоящего времени несовершенного вида в контексте прошедшего времени от употребления синонимичных им форм прошедшего времени несовершенного вида: 1) формы прошедшего времени встраиваются в линию повествования на том же уровне обобщенности, что и глаголы в предшествующем контексте; 2) при использовании формы прошедшего времени в прямом значении отсутствует избирательность по отношению к семантическим классам; 3) при прямом употреблении формы прошедшего времени ряд глаголов может довольно свободно представлять как простое перечисление действий или процессов, не связанных в синхронном отношении, так и ситуацию, где несколько действий связаны между собой. При этом при переносном употреблении форм будущего совершенного можно констатировать тенденцию, согласно которой цепочка глаголов, как правило, представляет действия, взаимосвязанные в рамках единой ситуации.

Перечисление действий в контекстах с переносным употреблением представлено достаточно редко, о чем свидетельствуют данные, извлеченные из текстов разного стиля и характера.

7. Исследование сочетаемости слова *бывало* с глаголами в диахронии, где само слово *бывало* используется в качестве маркера, объединяющего разные типы употребления глагольных форм, позволило установить следующие тенденции в соотношении прямого и переносного употребления форм в контексте прошедшего времени.

Слово *бывало* допускает сочетаемость с разными грамматическими формами глагола (*бывало* + форма прошедшего времени несовершенного вида; форма настоящего времени несовершенного вида; форма будущего времени совершенного вида; форма прошедшего времени совершенного вида), из которых, как правило, реализуются только первые три.

К концу XX века *бывало* стало в большей степени сочетаться с формами прошедшего времени.

В нарративных контекстах с *бывало* наблюдается уменьшение частотности использования форм не прошедшего времени и увеличение употребительности форм прошедшего времени, что связано со стилистическими особенностями прозы первой половины XX века, важным признаком которой является орнаментальность и сказовость.

Можно утверждать, что в настоящий момент в конструкции с *бывало* все чаще предпочтительным оказываются формы прошедшего времени.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1) Егоров Д.С. Функциональные особенности темпоральных форм глагола в современном русском языке // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманит. науки. – Казань, 2009. – Т. 151, кн. 6. – С. 199–205.

2) Егоров Д.С. Транспозиция форм настоящего и будущего времен глагола в контекст прошедшего и семантические классы глагола: тенденции в употреблении // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманит. науки. – Казань, 2010. – Т. 152, кн. 6. – С. 133–140.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

3) Егоров Д.С. Концептуализация событий как причина возникновения омонимии временных форм // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научной конференции, г. Казань, 20–23 мая 2008 г.: в 2 ч. / Казан. гос. ун-т, филол. фак-т; Отв. ред. Э.А. Балалыкина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 2 – С. 69–73.

4) Егоров Д.С. Метафорическая модель и «метафорическое» использование временных форм глагола в русском языке // Обработка текста и когнитивные технологии: Когнитивное моделирование в лингвистике: Труды X Международной конференции: в 3 т. / Науч. ред. В.Н. Поляков. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – № 15, т. 2. – С. 99–107.

5) Егоров Д.С., Соколова С.В. Диалогическое и нарративное при выборе глагольного вида: история русского БЫВАЛО // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст: тезисы III Конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов, г. Падуя, 30 сент. – 4 окт. 2011 г. / Universiteta degli studi di Padova, 2011. – С. 70–71.

